

Рим». «Повесть» в XVI и XVII вв. распространялась в большом количестве списков. Части ее включались в другие сочинения (например, в «Степенную книгу»), должествующие подчеркнуть политическую значимость Московской монархии, возвысить роль централизованного Русского государства.⁶

В различные моменты становления русского абсолютизма эта теория, а с нею и литературные произведения, ее подкрепляющие, как известно, выдвигались на арену политической борьбы.

Этим объяснялся и тот интерес, который окружал «Повесть», и то, что списки с нее появлялись даже после ее опубликования в печати в 1713 г. Об огромной популярности «Повести» свидетельствует и включение ее фрагментов во многие сочинения вплоть до середины XVIII в. Описание битвы в небе над местом будущего строительства Царьграда и связанные с этим пророчества помещены в один из поздних списков «Повести о начале Москвы», датированный третьей четвертью XVIII в.⁷

Своеобразную реплику на сюжет той части «Повести», в которой речь идет о начале строительства Константинополя и сопровождавшем строительстве «явлении», мы видим и в анонимном сочинении конца 20-х—начала 30-х годов XVIII в. о строительстве Петербурга.⁸

Если сама «Повесть», ее литературный текст, списки и варианты, были подвергнуты всестороннему изучению, то вопрос об ее отражении и преломлении в изобразительном и прикладном искусстве, и в частности отражении легенды о «царьградском видении», остается до сего времени малоизученным.⁹

Работа по атрибуции одного из знамен эрмитажного собрания, находившегося ранее в собрании Артиллерийского исторического музея, и привлечение в связи с этим ряда памятников русского прикладного искусства, может быть, в какой-то мере будет способствовать заполнению этой лакуны или хотя бы может явиться отправной точкой для дальнейших исследований.

Рассматриваемое знамя зн/эр № 360 (рис. 1) представляется нам интересным не только как памятник истории, но и как произведение искусства. Оно состоит из четырехугольного холщового полотнища, со сторонами, равными 218 см, прикрепленного к древку при помощи так называемого «мешочка» — узкого рукава из крашеного холста, надеваемого на древко. В среднюю часть полотнища вшит прямоугольник из узорчатой камки, разделенный на четыре поля прямыми, узкими, темно-красными, холщовыми, взаимно пересекающимися под прямым углом полосами, шириной каждая 6,5—7 см, образующими прямой равноконечный крест. В каждом из четырех полей помещены изображения борющихся орлов и крылатых змеев.

⁶ История русской литературы, т. I, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 225; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 245; А. А. Кайев. Русская литература. Изд. 3. М., 1958, стр. 348—349; История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 217.

⁷ М. А. Салмина. Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964, стр. 40, 197.

⁸ Повесть «О зачати и здании царствующего града С.-Петербурга» (см.: А. В. Предтеченский. Петербург Петровского времени. Л., 1948, стр. 42—44).

⁹ В интересной статье Р. Л. Розенфельда «Израцовый фриз Троицкой церкви в Костроме» (Советская археология, т. III, 1962) устанавливается связь сюжета одного из израцов (о котором речь пойдет ниже) с повестью Нестора Искандера. Упоминается о распространении сюжета Борьбы орла со змеем в Московской Руси и в статье Л. А. Мацулевича «Войсковой знак V века» (Византийский временник, 1959, т. XVI, стр. 191—192, прим. 17). Но автор дает лишь констатацию факта распространения этого сюжета, не уточняя, имеется в виду литература или произведения прикладного искусства.